

ДИСКУРСЫ РАЗВИТИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

© 2019 г. А. БАРДИН, М. СИГАЧЁВ

БАРДИН Андрей Леонидович, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (andreybardin@gmail.com).

СИГАЧЁВ Максим Игоревич, кандидат политических наук, младший научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (maxsig@mail.ru).

Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 4, сс. 24-41. DOI: 10.20542/afj-2019-4-24-41

DOI: 10.20542/afj-2019-4-24-41

УДК: 30+32+327: 327.7

Статья поступила в редакцию 17.11.2019.

В статье представлены результаты анализа ряда наиболее релевантных концепций развития через призму научного и политического дискурса. С использованием методологии дискурс-анализа исследуется концепция устойчивого развития, ее критика, а также иные концепции развития, рассматриваемые с точки зрения их перспективности для решения социальных и гуманитарных задач развития. Помимо концепции устойчивого развития, авторами рассматриваются концепция стрессоустойчивого развития, концепция экологически ориентированного развития, которая предусматривает одновременно сокращение чрезмерного потребления и обеспечение экологической устойчивости, а также идея развития без экономического роста. По мнению авторов, перспективной альтернативой традиционным подходам выступает инновационная концепция ответственного развития, опирающаяся при выборе приоритетов на морально-нравственную мотивацию, культуру диалога и бережное отношение к природе.

Ключевые слова: политика развития, дискурсы развития, устойчивое развитие, стрессоустойчивое развитие, ответственное развитие, экологически ориентированное развитие, развитие без экономического роста, развитие на основе использования больших данных.

Поиск ответа на вопрос о том, какие подходы и наборы практик оптимальны для развития тех или иных национальных государств – одна из ключевых задач политической практики и одно из важных направлений исследований политической науки (к примеру, коллективом ученых ИМЭМО под руководством члена-корреспондента РАН И.С. Семененко разрабатывается тематика “пространств развития” и “территорий неразвития” [1; 2]). Как в первом, так и во втором случае доминирующую позицию в современном мире продолжает занимать концепция устойчивого развития, базирующаяся на Целях устойчивого развития ООН [3].

Концепция родилась в результате поиска мировым сообществом консенсуса относительно тех мер, которые национальные государства могут предпринять для ответа на

обострившиеся глобальные вызовы, такие как исчерпание экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду, а также ряд других.

Вместе с тем, как и любая теория, концепция устойчивого развития имеет ряд ограничений (главное из которых заключается в том, что далеко не все государства имеют возможность претворить ее в жизнь) и не лишена противоречий. Значительная часть внутренних противоречий концепции относится к ее социально-гуманитарным аспектам, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ (РЕТРОСПЕКТИВА)

Уже к середине 1970-х годов на Западе в среде ученых, занимающихся вопросами экологии и управления, стали выработываться основы концепции устойчивого развития, базирующейся на следующем тезисе: необходимо такое развитие, при котором удовлетворяются все запросы жизнедеятельности человечества, однако удастся минимизировать риски и последствия катастроф. Авторы концепции делали акцент на том, что потребности ныне живущего поколения должны удовлетворяться без ущерба будущим поколениям.

Окончательное оформление концепция устойчивого развития получила в 80-е годы XX в., когда в 1987 г. был опубликован доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под руководством Гру Харлем Брунтланд, получивший название "Наше общее будущее" – неофициально "доклад Брунтланд". Отметим, что прежде чем возглавить в 1983 г. Всемирную комиссию ООН по окружающей среде и развитию, получившую неофициальное название "комиссия Брунтланд", Гру Харлем Брунтланд проявила себя на родине в качестве левого политика от Рабочей партии Норвегии: она занимала пост министра по окружающей среде в 1974–1979 гг. и в 1981 г. стала первой в норвежской истории женщиной на посту премьер-министра.

Концепция получила широкую поддержку как в государственных, так и в научных кругах как попытка комплексного ответа на ряд обострившихся глобальных вызовов – социально-экономических, демографических, продовольственных, ресурсных и так далее. Уже в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН был принят программный документ "Повестка дня на XXI век", в основу которого легли принципы устойчивого развития. В документе был сформулирован призыв к странам мира по инкорпорации практик устойчивого развития в ключевые стратегические документы [4]. "Повестка дня на XXI век" неоднократно анализировалась в рамках академического дискурса в качестве одного из ключевых программных документов концепции устойчивого развития [5, с. 246; 6, сс. 38-39].

В формулировке ООН тезис об устойчивом развитии включает в себя три основных направления: экономическое, социальное (антропологическое) и экологическое. Первое направление охватывает комплекс вопросов по борьбе с бедностью как фактором, вызывающим социально-политические катастрофы. Второе, антропологическое, направление гласит, что необходимо всемерно поощрять развитие человека как индивида, защищая его естественные права на жизнь и развитие. Это измерение подразумевает необходимость продвижения по всему миру социальной интеграции с целью повышения уровня социальной инклюзивности, поскольку "даже высокоразвитые страны, в значительной степени победившие крайнюю бедность, сталкиваются с высоким и растущим неравенством доходов, богатства и власти" [7, с. 219]. Данный принцип получил достаточно полное воплощение в рамках продвигаемой Программой развития ООН концепции человеческого развития. Третье направление заключается в реализации экологической повестки, то есть в уменьшении нагрузки на окружающую среду при экономическом развитии, а также в создании комфортной и безопасной среды обитания для человека и общества.

Отметим, что модель устойчивого развития стала продуктом озабоченности прежде всего экологической ситуацией в мире. Ее основы закладывались на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию. Модель была призвана решить проблему сбалансированного

взаимодействия природы и общества: она ориентирована на поддержание динамического равновесия биосферы и предполагает переход от экстенсивного природопользования к равновесному [8, с. 37].

Применительно к концепции можно выделить, во-первых, официальный дискурс ООН; во-вторых, научно-академический, и в-третьих, политический дискурс. Все они подразумевают необходимость ограничения экономического роста во имя сохранения экологической целостности природы. Согласно модели устойчивого развития решение задач экономического роста и социального развития должно носить экологически сбалансированный характер. Это означает, что улучшение уровня жизни людей не должно происходить ценой нанесения вреда окружающей среде и природным ресурсам.

Теоретиками устойчивого развития окружающая среда, социум и экономика рассматриваются в качестве единой системы. Однако как в рамках официального, так и научного дискурсов особый акцент делается на экологическом аспекте данной модели, тогда как социально-гуманитарные аспекты нередко остаются на втором плане.

Если экологический аспект выражается в стремлении к сохранению природного капитала, биоразнообразия, обеспечении возобновления природных ресурсов, то социально-гуманитарный аспект подразумевает стремление к достижению справедливых отношений между людьми. Данному аспекту устойчивого развития было уделено значительное внимание в принятой на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Декларации, являющейся не менее важным документом, нежели принятая на этой же конференции "Повестка дня на XXI век". Согласно принципам Декларации, в центре устойчивого развития должен находиться человек, имеющий право на достойную жизнь в гармонии с природой. Декларировалась необходимость уменьшить разрыв между богатыми и бедными странами.

Положения Декларации были уточнены и дополнены 20 лет спустя на саммите "Рио+20" в форме документа "Будущее, которого мы хотим". Участники саммита признали, что первоочередной задачей человечества является ликвидация бедности, однако решение этой задачи не может производиться в отрыве от решения экологических проблем: "Несомненным достижением форума является признание на уровне мирового сообщества того факта, что обеспечение длительного благополучного развития возможно лишь на основе принципов "зеленой" экономики... Причем, предложения по развитию "зеленой" экономики изначально предусматривают одновременное обеспечение решения приоритетных социально-экономических задач, включая проблемы занятости и улучшения условий жизни людей" [9, с. 5].

Таким образом, всемерная поддержка "зеленого роста" определяет сегодня основное направление поддержки для борьбы с бедностью [9, с. 6]. Еще в июне 2009 г. в рамках встречи Совета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на уровне министров 34 стран была подписана "Декларация зеленого роста" под девизом "за более сильную, экологичную и справедливую мировую экономику". В декларации отмечалось, что перед странами мира стоят такие ключевые вызовы, как экономическое восстановление после мирового кризиса, экологически и социально устойчивый экономический рост [10].

Впоследствии на основе принципов указанной декларации ОЭСР разработала более развернутую "Стратегию зеленого роста", приурочив ее к конференции "Рио+20" в июне 2012 г. В этой связи генеральный секретарь ОЭСР Анхель Гурриа отмечал, что миру "необходимы стратегии достижения зеленого роста. Если мы хотим обрести уверенность в том, что прогресс в уровне жизни, который наблюдался в последние пятьдесят лет, не остановится, мы должны изыскать новые пути производства и потребления. И даже дать новое определение тому, что мы понимаем под прогрессом..." [11]. Таким образом, концепция "зеленого роста" призвана решить амбициозную задачу по построению новой модели зеленой экономики, которая мыслится как более экологичная и справедливая альтернатива по отношению к старой ресурсоемкой экономике.

Рассматривая устойчивое развитие в его социально-гуманитарном аспекте, нельзя не отметить, что одной из наиболее фундаментальных проблем современности является

вопрос о соотношении развития и безопасности. Две эти категории можно представить в виде системы координат, учет каждой из которых необходим для движения общества вперед. Ускорение развития без одновременного усиления безопасности способно привести социум к обрушению и повороту “колеса истории вспять”, когда страна вместо движения вперед оказывается отброшенной назад.

Одно из перспективных направлений исследований социально-гуманитарных аспектов устойчивого развития – изучение культурной составляющей развития и, в частности, культуры устойчивого развития. В научном дискурсе она рассматривается как “включающий механизм”, способствующий подгонке друг к другу различных элементов развития – подходов, поведенческих практик и так далее [12, с. 646].

Значимый пласт исследований культурного аспекта устойчивого развития составляют труды в области “экологии культуры”. По мнению ученых, разрабатывающих данную проблематику, существует тесная взаимосвязь между трансформацией природного ландшафта, с одной стороны, и ландшафта культуры и мышления, с другой. Экология культуры составляет единое целое с экологией природы. Таким образом, любая политика развития должна опираться на тезис о том, что культура является одним из ключевых источников жизнеспособности социума, а мир – это органическое и разумное целое [13, сс. 50-62; 14].

Дж. Хокс в книге “Четвертая опора устойчивого развития. Существенная роль культуры в государственном планировании” отмечает, что деятельность по развитию местных сообществ держится на четырех опорах: экономическая опора отвечает за создание материальных ценностей; социальная – распределяет эти ценности; экологическая – контролирует ответственность за окружающую среду; но круг развития не будет замкнут без четвертой опоры – культуры [15].

Масштабное исследование роли и места культуры в устойчивом развитии реализовано в рамках проекта “Исследуя культурную устойчивость” программы “Европейское сотрудничество в области научных исследований и технологий” (European Co-operation in Science and Technology, COST). По его итогам были определены три основные роли культуры:

- 1) культура в устойчивом развитии: культура как одна из опор устойчивого развития;
- 2) культура для устойчивого развития: культура как средство, обеспечивающее устойчивость человеческих потребностей;
- 3) культура как устойчивое развитие: культура как необходимое общее основание всех действий, направленных на устойчивое развитие [16, сс. 28-29].

Необходимость обеспечения культурной устойчивости входит в число ключевых положений Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г., а также руководящих принципов деятельности ЮНЕСКО. Представляется, что значительный потенциал для исследований культурной составляющей развития содержится в идентитарных исследованиях, которые позволяют в рамках научного дискурса говорить об идентичности как о важной опоре устойчивого развития [17].

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ

В России на уровне официального дискурса модель устойчивого развития начала утверждаться после того, как указом Президента России от 1 апреля 1996 г. № 440 была утверждена “Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию”. В 2012 г. в выступлении на Конференции ООН по устойчивому развитию “Рио+20” Д.А. Медведев назвал самой важной проблемой искоренение нищеты. На второе место он поставил необходимость реагировать на экономические и финансовые кризисы, на третье – создание новых эффективных рабочих мест, на четвертое – выработку устойчивых моделей производства и потребления, позволяющих обеспечить стабильный экономический рост и одновременно снимать экологические угрозы [18, сс. 18-19]. Таким образом, в рамках официального российского дискурса акцентируются социальные и экономические аспекты устойчивого развития.

В 1990-е годы важным связующим звеном между российским официальным и научным дискурсами в сфере продвижения концепции устойчивого развития являлся вице-президент РАН, председатель сибирского отделения РАН академик В.А. Коптюг, который “был основным лоббистом принятия соответствующих постановлений правительства по разработке Стратегии устойчивого развития России, предлагая разумную программу, на базе которой российская интеллигенция могла бы реализовать свою функцию в обществе. С уходом из жизни Валентина Афанасьевича эта деятельность фактически прервалась. Однако альтернативы стратегии устойчивого развития до сих пор не появилось, и пока она остается единственно возможным спасением от хаоса, экологических катастроф и социальных взрывов” [19].

В рамках российского научного дискурса было выработано множество определений устойчивого развития. Оно понимается и как “развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу возможностей будущих поколений” [20, с. 8], и как “развитие, которое направлено на удовлетворение духовных, материальных потребностей современных и будущих поколений при соблюдении социальной справедливости и экологических требований, необходимых на данном уровне для природно-общественных систем” [20, с. 9], а также как “улучшение качества жизни в пределах возможностей (емкостей) поддерживаемых экосистем” [21, с. 7].

Российские ученые различают термины “устойчивое развитие” и “поддерживаемое развитие”, считая, что применительно к развивающимся странам некорректно говорить об устойчивом развитии [22, с. 47], вместо которого следует использовать термин “поддерживаемое (сбалансированное) развитие”.

Предполагается, что разница между устойчивым и поддерживаемым развитием заключается в экономической основе. Говорить об устойчивом развитии имеет смысл только тогда, когда социально-экономическая система государства достигла состояния самодостаточности и высокого уровня интегрированности в мировую экономику.

По мнению В.В. Бушуева, даже не все страны с развитой экономикой могут позволить себе быстро и с минимальными затратами перейти на модель устойчивого развития – поэтому на конференции в Рио-де-Жанейро и на предыдущих конференциях ООН речь шла не об устойчивом, а о поддерживаемом развитии [5, с. 247].

Некоторые ученые указывают на опасность абсолютизации эгоцентричного подхода к устойчивому развитию, который выражается во взгляде на человека лишь как на средство достижения экологической устойчивости [23, с. 12].

Ряд исследователей помимо критерия экоэффективности, делающего акцент на эффективном учете экологического фактора, вводят еще один критерий – экосправедливости. Экосправедливость означает стремление выстраивать справедливые взаимоотношения между поколениями, отражая тем самым социально-гуманитарный аспект устойчивого развития [8, с. 38].

КРИТИКА МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В России рост популярности концепции устойчивого развития пришелся на рубеж 1980-1990-х годов. Примечательно, что в этот период даже критически мыслящие интеллектуалы попали под обаяние данной концепции. Так, философ А.С. Панарин писал, что “в качестве нормативной модели мы закладываем в прогноз, сформулированный на конференции в ООН в Рио-де-Жанейро, принцип устойчивого развития. Цивилизованная геополитика должна соответствовать этим двум внутренне не тождественным критериям стабильности и развития. Применительно к России первый критерий означает, что ее геополитическое положение должно быть достаточно безопасным, а границы – надежными и легитимными (то есть не только защищенными изнутри, но и признанными международным сообществом). Второй критерий означает, что геополитическое положение страны не должно препятствовать ее экономическому, социальному и культурному развитию, выходу к мировым коммуникациям” [24, с. 363]. Вместе с тем уже тогда была верно обозначена цель обезопасить развитие. Вопрос

заключается лишь в том, насколько безопасным является само устойчивое развитие.

Постепенно в отечественной и зарубежной практике стало выкристаллизовываться понимание ограниченности концепции устойчивого развития, что нашло отражение в нарастании критики как в адрес данной концепции в целом, так и применительно к отдельным ее аспектам. Самым слабым местом концепции является то, что она представляет собой технократическую теорию, поэтому, чем на более высокий уровень философских обобщений поднимается тот или иной мыслитель, тем больше противоречий он в ней находит. Кроме того, радикальная интерпретация концепции устойчивого развития может включать идею ограничения как экономического, так и демографического роста, стимулируя тем самым процессы деиндустриализации и депопуляции.

Что касается зарубежных стран, философская критика в течение всего XX столетия в основном была направлена на антропологический критерий концепции. При этом можно отметить, что критические замечания раздавались с различных позиций, в том числе и с консервативных.

Значительный вклад в критику внесли немецкие мыслители, поскольку у них была выработана собственная феноменолого-герменевтическая позиция, связанная с классической немецкой философией. В частности, критику осуществляли философы “консервативной революции”, такие как К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Юнгер, Ф.Г. Юнгер, Р. Генон, В. Ойкен, П. Слотердайк. Их мысль в целом была вдохновлена католической церковью и заложила философские основы для деятельности консервативных европейских партий в начале 1950-1960-х годов. Наиболее интересным в этом ключе представляется опыт консервативных политических партий ФРГ, таких как ХДС и ХСС, поскольку, в отличие от других европейских стран, в Германии деятельность политических партий была неразрывно связана с философским контекстом.

В основу данной критики был положен принцип обоснования человека как онтологической сущности с его страстями и желаниями, противостоящего попыткам внешнего мира завлечь его в мир вещей и отвлечь от своего существования. До полномасштабного утверждения концепции “устойчивого развития” дожили лишь П. Слотердайк и Э. Юнгер (умерший в 1998 г.). Э. Юнгер в своей работе “Смена Гештальта. Прогноз на XXI век” отмечал, что настало “время титанов”, которые повергли “богов”. В интерпретации Э. Юнгера под богами понималось собственная экзистенция человека, тогда как титаны имели отношение к капиталистической цивилизации, что близко к трактовке бытийственности у М. Хайдеггера. Среди важных проблем, затронутых Э. Юнгером, стоит выделить его отношение к войне. По мнению мыслителя, “мировое государство” (существование которого Юнгер признавал) не сможет отменить насилие, поскольку оно есть часть творения. В рамках предложенной Э. Юнгером схемы устойчивое развитие можно рассматривать как проявление “времени титанов”, поскольку оно делает акцент на материальных, технократических факторах, упуская из виду духовные, морально-нравственные аспекты развития.

Заслуживает внимания и критика с точки зрения неолиберальных кругов. Представители неолиберализма критикуют устойчивое развитие с позиций свободного рынка, неограниченной рыночной экономики. Тезисы неолибералов в основном сводятся к тому, что сопряженная со стремлением к успеху свобода личности не должна быть скована никакими этическими ограничениями. Данная критика в США популярна среди мыслителей, придерживающихся взглядов Милтона Фридмана и Айн Рэнд.

Что касается полемически настроенных левых мыслителей, важная роль принадлежит неомарксистской школе, негативно воспринявшей концепцию устойчивого развития в рамках более широкой критики капиталистической мир-системы в целом. Так, наиболее видный представитель современного неомарксизма И. Валлерстайн ставил вопрос о том, возможно ли устойчивое развитие при капитализме: “...Подлинная проблема носит не экологический, а политический характер. Возможно ли устойчивое развитие в рамках капиталистической социальной системы? ...Если мы остаемся в условиях капитализма, выхода у нас нет...” [25, с. 98].

Еще один важный аспект неомарксистской критики – взгляд с позиций конституционного патриотизма Ю. Хабермаса, позднего представителя немецкой “Франкфуртской школы”. По мнению мыслителя, консолидирующим основанием развития может выступать принятие гражданами страны демократических ценностей и прав человека. Важное значение здесь приобретает гражданская идентичность, которая “связывает индивида и государство путем закрепления правового статуса гражданина и вытекающих из такого статуса личных свобод, прав и общественных обязанностей” [17, с. 601].

С точки зрения экологической повестки устойчивого развития основная критика возникает в связи со сциентистской и инструментальной в своей основе концепцией глобального потепления (изменения климата). Возникло целое движение скептиков, основной концепцией которых является неверие в данные о том, что климатические изменения вызваны преимущественно антропогенными факторами. Вера оказалась подорвана различными “фейками” со стороны климатологов, сторонников глобального потепления. В то же время на основе концепции энвайронментализма, тесно связанной с концепцией устойчивого развития, в ФРГ и в других странах Европы были построены экологические партии – партии “зеленых”.

По мнению ряда мыслителей, одним из наиболее слабых мест концепции устойчивого развития выступает тот факт, что развитие – это нелинейный процесс, протекающий в системе, априори находящейся в неустойчивом состоянии, сочетать который с устойчивостью весьма сложно. Кроме того, концепция устойчивого развития затрагивает только экономическую и экологическую сферу, в то время как морально-нравственная мотивация и социокультурная проблематика оказываются за рамками данной модели [26, с. 187].

Исследователи отмечают, что концепция устойчивого развития создавалась под воздействием эоцентризма (биоцентризма), техноцентризма, а также антропоцентризма. Зарождение данной концепции происходило во многом в рамках полемики между эоцентристами и техноцентристами. С одной стороны, «докладчики Римского клуба были в основном эоцентристами, и доклад “Пределы роста” стал своеобразным манифестом эоцентризма, согласно которому базовым элементом среды является не человек и не разум, но окружающая среда – экосистема, в которую вписано и общество, и человек. Экологическая опасность возникает в результате негативного воздействия социальной надстройки над экосистемой» [26, с. 189]. Важно подчеркнуть, что “биосферно-центрический (эоцентрический) подход, нацеленный на сохранение биосферы, рассматривает человека в качестве биологического вида, который зависит от состояния биосферы и подчиняется ее законам... Развитие человеческого общества рассматривается как часть эволюции природы, что требует подчинения человека законам природы. Приоритетным в данном подходе является сохранение и поддержание природных экосистем” [8, с. 40].

С другой стороны, “с точки зрения техноцентристов, источником опасности для окружающей среды являются процессы не эксплицитные, вызываемые человеческой деятельностью, но имманентные самой экосфере. В соответствии с этим проблема роста может быть решена достаточно эффективно при помощи уже имеющихся в современной экономике инструментов” [26, с. 190].

В отличие от эоцентричного и технократичного подходов, ставящих во главу угла природу и технику соответственно, антропоцентрический подход “строится по правилам, которые устанавливает человек, и базируется на требованиях, которые тот предъявляет к качеству окружающей среды обитания и полезности природных объектов в целях удовлетворения потребностей” [8, с. 39]. Без учета антропоцентричного подхода, который нередко отходит на второй план, можно говорить об ограниченности теории устойчивого развития рамками своеобразного экологического технократизма, что позволяет критиковать эту концепцию за узость предлагаемого ей подхода.

Более того, существует противоречие между экологической и экономической составляющими устойчивого развития, поскольку развивающаяся экономика требует технического прогресса, интенсивной технологической модернизации и индустриализации, которые увеличивают нагрузку на окружающую среду. Д.Ю. Шаталов-Давыдов отмечает труднодостижимость соответствия между борьбой с бедностью, с одной стороны, и защитой

окружающей среды, с другой стороны, поскольку борьба с бедностью подразумевает экономический рост, расширение промышленного производства, тогда как борьба с изменением климата, напротив, нередко подразумевает отказ от активной промышленной политики. "При этом все вышеперечисленные проблемы сходятся в рамках данной оппозиции: экологическая стабильность – экономический рост. Экологическая стабильность подразумевает относительное равновесие в рамках экосистемы (динамическое равновесие), регулируемое естественными биологическими механизмами (в том числе биологическими циклами). Экономический рост заключается в отторжении территории под производство и добычу природных ресурсов, что в разы превышает их естественное возобновление. Экономический рост приводит к изменению равновесия биосистемы и к ее деградации. Экологическая стабильность требует сохранения постоянства состава среды, т.е. отсутствия производства, отбирающего территорию и ресурсы" [27, с. 451].

Попытка снять противоречие между задачами по обеспечению экологической стабильности и безопасности, с одной стороны, и социально-экономического развития, с другой стороны, была предпринята в рамках концепции экомодернизации, развиваемой в России социологом О.Н. Яницким. По мнению исследователя, «в современном мире уже нет отдельно "человека" и "природы": человек экологизирован, природа социализирована. Отсюда следует, что меры по сохранению и улучшению состояния среды обитания есть необходимый компонент "пакета" мер развития. Сегодня "экологический фактор" – растущий по значению ограничитель любых усилий по модернизации производства и его инфраструктуры...» [28, с. 95]. Давая определение концепту экомодернизации, ученый подчеркивает, что "социально-экологическая модернизация понимается мною как процесс развития общества и государства в глобальном контексте, обеспечивающий одновременное достижение нескольких целей: устойчивое, но при этом поступательное развитие общества, наращивание его экономической мощи и социального потенциала при одновременном сохранении чистой и безопасной среды обитания, обеспечение его экономической и иной безопасности при минимальных рисках и необратимых потерях для локальных экосистем и биосферы в целом" [29, с. 18].

Таким образом, возвращаясь к вопросу соотношения категорий развития и безопасности, следует подчеркнуть, что устойчивое развитие отчасти решает лишь проблемы экологической и технологической (техноэкономической) безопасности, но нужно иметь в виду, что и между двумя этими задачами существует противоречие. Крайне непросто одновременно добиться целей по формированию безопасной экономики и по обеспечению безопасной экологии, поскольку возрастающие по мере технологической модернизации нагрузки, риски и угрозы для окружающей среды представляют собой значительный экологический вызов. Кроме того, основная часть имеющихся в настоящий момент в распоряжении человечества инструментов устойчивого развития требует огромных затрат, неподъемных для большинства акторов. В то же время проблемы социальной безопасности, культурной безопасности, геополитической безопасности, а тем более вопрос об угрозах духовной целостности и моральным приоритетам личности и вовсе оказываются за рамками данной концепции.

Помимо концепции устойчивого развития, в научном и политическом дискурсе заметное место занимает ряд других концепций развития. Рассмотрим некоторые из них.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Под стрессоустойчивостью системы, будь то государство в целом или отдельные его институты, в политической науке понимается прежде всего способность системы "абсорбировать возмущения и реорганизовываться в процессе изменений, сохраняя свои функции, структуру, идентичность и систему обратной связи" [30, с. 443].

Стрессоустойчивость можно рассматривать как меру стойкости систем и их способности поглощать изменения и колебания и при этом сохранять прежние отношения между популяциями или переменными состояниями [31, сс. 390-405]. Поскольку развитие неизбежно сопряжено с колебаниями и потрясениями, концепция стрессоустойчивости привлекает внимание многих ученых и политиков.

Вопрос стрессоустойчивого развития по-разному отражается в национальных государственных документах. Так, в Белой книге по вопросам политики безопасности Германии и будущему бундесвера 2016 г. такое развитие понимается как “способность государства, экономики и общества противостоять шокам, вызванным природными катастрофами, системными сбоями или целенаправленными атаками, и адаптироваться к ним... сохраняя при этом нормальное функционирование”.

Иначе расставлены акценты в Глобальной стратегии Европейского союза 2016 г., где стрессоустойчивость характеризуется как “способность государств и обществ реформироваться, тем самым выдерживая внутренние и внешние кризисы и восстанавливаясь после них” [32]. Примечательно, что антонимом стрессоустойчивости в большинстве концептуальных документов по вопросам внешней и оборонной политики выступают термины “хрупкость” (*fragility*) и “крах [государства]” (*state failure*) [32, с. 141].

Некоторые авторы полагают, что главный недостаток концепции стрессоустойчивого развития состоит в том, что в ней не предусмотрены инструменты, направленные на улучшение положения наименее защищенных групп населения. Таким образом, данная парадигма способствует укреплению уже сложившихся социальных отношений и как следствие, дальнейшему укреплению позиций привилегированных социальных групп [33].

Новозеландский политолог Бронвин Хейуорд, занимающаяся изучением устойчивости в условиях изменения климата, отмечает, что деполитизированность постулатов концепции стрессоустойчивости является препятствием на пути к тому, чтобы трансформировать те “драйверы социальных и экономических изменений, которые несут в себе угрозу дестабилизации климата, деградации окружающей среды и роста социального неравенства” [34].

В этой связи ряд авторов предлагают иные варианты концепции стрессоустойчивого развития, в которые инкорпорированы элементы теорий, уделяющих большее внимание социальным вопросам. К примеру, концепция “справедливой стрессоустойчивости” (*equitable resilience*), разрабатываемая группой исследователей из Йоркского университета, делает акцент на вопросах социальной уязвимости, неравномерного доступа граждан к власти, знанию и ресурсам. Этим данный подход выгодно отличается от классического взгляда на стрессоустойчивое развитие. По мнению авторов концепции, развитие во многом зависит, с одной стороны, от того, как люди воспринимают свое место в системе “человек – окружающая среда” и каким образом хотели бы изменить эту диспозицию; с другой стороны, – от того, насколько политический режим способен интегрировать различные сообщества, предоставлять достаточный объем субъектности властям всех уровней, избегая отчуждения людей от власти [35].

На практике развитие в духе справедливой стрессоустойчивости требует постоянного контекстуального анализа ключевых элементов государственных систем по таким параметрам, как субъективность, инклюзивность, масштаб и трансформация, на основе методов, которые способны проявить то, какие именно нарративы, практики и формы регулирования поддерживают и формируют акторы и институты (формальные и неформальные). Представляется, что такой подход к развитию имеет достаточно существенный потенциал, однако его реализация требует серьезных аналитических усилий (в том числе разработки инновационных методов политического анализа) и высокой готовности властей инкорпорировать выводы научного сообщества в политические практики.

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ

Многое в современном мире указывает на то, что парадигма развития, базирующаяся на традиционных принципах экономического роста, отрицательно сказывается на окружающей среде и обществе. Растет загрязненность атмосферы, природа все больше уступает антропогенному натиску, целый ряд территорий планеты по-прежнему представляют собой очаги бедности, почти во всех регионах мира ослабевают социальные связи.

В этой связи многие исследователи задаются вопросом: будет ли дальнейший экономический рост способствовать реальному благополучию населения Земли, или же он только истощает ограниченные ресурсы планеты, снижает качество окружающей среды и ведет к эрозии социальной сплоченности?

Герман Дэйли, один из пионеров экономики стационарного (устойчивого) состояния, то есть экономики со стабильными ключевыми показателями, не выходящими за рамки допустимых для экосистемы, предложил концепцию развития, направленную одновременно на сокращение чрезмерного потребления и обеспечение экологической устойчивости. Для ее реализации он предложил ввести безусловный базовый доход и ограничить размер состояния и доходов для устранения потребности в расширении экономики. Чтобы избежать дальнейшего бесконтрольного загрязнения природы и безответственного потребления природных ресурсов, предлагается ввести “зеленые налоги” с прогрессивной ставкой [36; 37]. Для многих ученых такие налоги выступают ключевым инструментом обеспечения не только экологической устойчивости, но и социальной справедливости. Так, профессор Бакнеллского университета Марцеллус Эндрюс полагает, что государство должно распределять отчисления от “зеленых налогов” по системе базового дохода [38].

Ряд авторов полагает, что помимо “зеленых налогов” необходимо выстраивание глобальной системы санкций за преступления против природы (“экоцида”, по аналогии с геноцидом). В рамках такой системы, считают ученые, сама природа должна рассматриваться как стейкхолдер или юридическое лицо [39, с. 40]. Представляется, что сама фундаментальность постановки вопроса о защите природы заслуживает внимания, однако при переходе к конкретным практикам такого рода следует избегать “перегибов” – радикализации экологической повестки дня и действий в духе неомальтузианского подхода.

РАЗВИТИЕ БЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Концепция устойчивой трансформации на базе антироста (отрицательного экономического роста) (*sustainable degrowth transformation*) базируется на идее о том, что прогресс человечества возможен и в отсутствие экономического роста [41; 42]. Она подразумевает сокращение производства и потребления, что должно способствовать росту благосостояния людей и улучшению экологической обстановки как на местном, так и на глобальном уровне [43]. Реализация такой концепции развития невозможна без изменений в самой культуре потребления, потребительских паттернов граждан в сторону как более умеренного потребления материалов и энергии, так и более ответственного отношения к природе и ресурсам в целом – другими словами, более бережливого образа жизни.

Отличительной чертой концепции антироста выступает то, как в ее рамках переосмысляются сами понятия “развитие” и “прогресс”. Их предлагается операционализировать на базе новых индикаторов, которые должны отражать динамику таких процессов как сплочение местных сообществ, совместные действия социальных групп, а также формирование инфраструктуры, в рамках которой благосостояние обеспечивается за счет механизмов, не связанных с потреблением [44].

Для перехода к развитию без роста предлагается сконцентрироваться на подходах и технологиях, которые способствуют более эффективному использованию ресурсов (в противоположность повышению производительности труда), а именно: ввести более прогрессивную шкалу налогообложения; установить налоги на деятельность, наносящую вред окружающей среде; перенаправить инвестиции из “грязных” в “зеленые” сектора экономики; принять законодательство, предоставляющее привилегии социально и экологически ответственным компаниям и организациям.

Пример подобного подхода – “глобальный дизайн – локальное производство” (*design global, manufacture local, DGML*). В основе такого подхода лежит практика, при которой местное сообщество контролирует использование ресурсов при производстве, которое, в свою очередь, осуществляется на совместно используемой инфраструктуре (например, 3D-принтере), не требует больших затрат и легко приспособливо для потребностей местных жителей.

Благодаря этому *DGML*-производство способствует технологической автономности местных сообществ – люди могут в большей степени контролировать институты и технологии, влияющие на их жизнь. Таким образом, местные сообщества оказываются более социально защищенными. Среди примеров успешных *DGML*-процессов – производство роботизированных рук, протезов и малых ветряных турбин [45].

Подобные практики также характерны для «совместного производства “на равных”» (*commons-based peer production, CBPP*), при котором формирование добавочной стоимости и распределение продуктов происходит в рамках местных экосистем на базе открытой технологической инфраструктуры, которая позволяет членам местного сообщества выстраивать коммуникацию, самоорганизовываться и создавать собственные продукты без необходимости получать на то разрешение от вышестоящих инстанций [46]. Примеры подобных инициатив – проект общедоступной многоязычной универсальной Интернет-энциклопедии со свободным контентом *Wikipedia* и софтверные опенсорс-проекты (*GNU / Linux, Apache Web Server*).

Результатом развития в парадигме антироста должна стать “экономика пост-роста”, которую характеризует уменьшенная дистанция между производителями и потребителями, сокращенное время рабочего дня, стратегии по снижению потребления за счет сбережения ресурсов, ремонта и шеринга, включающие комплекс мер, стимулирующих общество и бизнес следовать этим принципам [47; 48]. Ряд ученых придерживается более радикальной версии концепции анитроста и выступает за фундаментальную политическую и экономическую реорганизацию и социальную трансформацию, которые в совокупности должны привести к качественному сокращению потребления ресурсов и энергии [48; 49].

Однако представляется, что радикальные меры не релевантны для борьбы с комплексными вызовами, которые стоят перед современными национальными государствами. Такие меры, напротив, способны серьезно обострить социально-экономическую напряженность в обществе и привести к политическим кризисам в этих государствах.

РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

В основе концепции “Персональные данные как источник развития” (*Data for Development, D4D*) лежит тезис о том, что данные, генерируемые пользователями мобильных устройств и компьютеров, могут быть использованы для разработки таргетированных инициатив, направленных на улучшение качества жизни граждан. С каждым годом объем таких данных растет, что открывает огромные возможности для анализа нужд и проблем населения. Наиболее перспективные области для подобных инициатив – здравоохранение, сельское хозяйство, безопасность, оказание государственных услуг.

Один из наиболее известных проектов такого рода – программа ООН “Глобальный пульс” (*Global Pulse*) [50] (инновации в сфере данных для целей развития). В рамках программы осуществляется мониторинг ситуации в развивающихся странах с помощью анализа больших данных с мобильных устройств. *Global Pulse* действует на базе инновационных центров, расположенных в Нью-Йорке (США), Кампале (Уганда) и Джакарте (Индонезия), которые сотрудничают с организациями системы ООН и государствами-членами.

К примеру, в рамках проекта “Филантропия данных”, направленного на обеспечение безопасного и ответственного использования данных в целях устойчивого развития и гуманитарной деятельности, *Global Pulse* сотрудничает с *Twitter*. Анализ переписки в социальной сети позволяет формировать банк данных, содержащий сведения о стоимости продуктов питания, наличии рабочих мест, доступе к медицинскому обслуживанию, качестве образования и стихийных бедствиях. Эта информация используется при разработке локальных программ помощи развитию по всему миру.

Среди других проектов программы – инициатива *GSMA* “Большие данные для социального обеспечения”: мощности мобильных операторов используются для борьбы с гуманитарными кризисами, включая эпидемии и стихийные бедствия. Инициатива *Data for Climate Action*

объединяет исследователей во всем мире с данными и инструментами ведущих компаний для поиска решений в деле борьбы с изменением климата, “коллаборативные данные” здесь – ключевой инструмент сотрудничества, создаваемый через обмен данными представителями различных сфер [51].

Концепция “Персональные данные как источник развития” открывает большие возможности для государственно-частного партнерства. Так, в ЮАР властями страны при поддержке корпорации *IBM* был реализован проект *WaterWatchers*: с помощью мобильного приложения пользователь мог сообщить о любой проблеме, связанной с водой, – от протекания или засорения трубы до ее отсутствия. Собранные данные были использованы для трансформации системы водоснабжения в стране [52].

Информация, полученная в результате анализа больших данных, может быть использована не только для разработки программ развития для отдельных целевых аудиторий, но и для прогнозирования и предотвращения кризисов. К примеру, анализ информации о потреблении продуктов питания позволит спрогнозировать продовольственный кризис задолго до его начала.

Кроме того, большие данные позволяют выявить перспективные ниши для развития бизнеса и гражданских инициатив, что способствует созданию новых рабочих мест через развитие малого и среднего предпринимательства и, как следствие, росту экономики.

По данным ООН, развитие на основе больших данных может внести вклад в устойчивое развитие в целом ряде областей, при этом во многом способствуя продвижению именно социально-гуманитарных аспектов развития (см. табл. 1).

Таблица 1. Большие данные и Цели устойчивого развития ООН

Направление развития	Метрики
Ликвидация нищеты	Оплата услуг мобильной связи – один из индикаторов уровня дохода
Ликвидация голода	Краудсорсинг или отслеживание цен на продукты онлайн поможет в мониторинге продовольственной стабильности
Хорошее здоровье и благополучие	Картографирование перемещений пользователей мобильных телефонов поможет прогнозировать рост инфекционных заболеваний
Качественное образование	Информация, полученная от граждан, позволит определить причины ухода из вузов
Гендерное равенство	Анализ финансовых транзакций поможет установить структуру расходов и влияние кризисов на мужчин и женщин
Чистая вода и санитария	Сенсоры на насосах позволят отслеживать доступ к чистой воде
Недорогостоящая чистая энергия	Счетчики позволят энергетическим компаниям снижать или ограничивать поток электричества, газа и воды в целях экономии или для обеспечения всех потребителей в пиковые периоды
Достойная работа и экономический рост	Тенденции глобальных объемов почты – один из индикаторов экономического роста, объема денежных переводов, темпов торговли и ВВП
Индустриализация, инновации и инфраструктура	Данные, полученные с устройств с <i>GPS</i> , можно использовать для контроля движения и повышения эффективности систем общественного транспорта
Уменьшение неравенства	Речевой анализ местного радио-контента поможет зафиксировать случаи дискриминации и оказать необходимую поддержку в области разработки соответствующей политики
Устойчивые города и населенные пункты	Спутниковые сенсоры позволят следить за состоянием общественных земель, парков и лесов
Ответственное потребление и производство	Поиск и покупки онлайн помогут определить скорость перехода к энергоэффективным продуктам
Борьба с изменением климата	Сочетание спутниковой съемки, краудсорсинга мнений и открытых данных позволит отслеживать темпы обезлесения
Сохранение морских экосистем	Отслеживание морских судов поможет бороться с нелегальным выловом
Сохранение экосистем суши	Мониторинг социальных сетей поможет в поддержке усилий по смягчению последствий стихийных бедствий, определении местонахождения жертв, состояния пожаров

Мир, правосудие и эффективные институты	Анализ сообщений в социальных сетях позволит определить общественное мнение относительно эффективного управления, оказания социальных услуг, защиты прав человека
Партнерство в интересах целей устойчивого развития	Партнерства, способствующие сочетанию статистики, мобильных и онлайн данных, помогут в понимании современного мира, в котором все соединены

Источник: *UN Global Pulse* [50].

ОТВЕТСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Концепция ответственного развития, разрабатываемая научной школой ИМЭМО РАН, делает акцент на морально-нравственных и социокультурных аспектах развития.

Центральный элемент концепции – система принципов и механизмов, которая обеспечивает постоянное соотнесение деятельности институтов государства с динамикой и особенностями развития местных сообществ. Это в первую очередь культура диалога и обратной связи, а также культура участия граждан в различных формах социальной активности.

Ответственное развитие опирается прежде всего на возобновляемые источники и нематериальные стимулы жизнедеятельности человека, такие как интеллектуальные источники экономических и социальных инноваций. При планировании стратегий развития с использованием новых технологий необходима взвешенная оценка последствий их внедрения и ожидаемого влияния не только на экономику, но и на социальные отношения, сознание и мышление индивида.

Морально-нравственное измерение ответственного развития охватывает такие аспекты, как максимизация использования возобновляемых источников энергии, гражданское участие, а также укрепление институциональных связей с целью формирования сильных институтов.

В числе приоритетов ответственного развития – поддержание оптимального для минимизации рисков баланса между инновационным мышлением и опорой на традицию, утверждение нравственной мотивации развития, а также расширение возможностей участия граждан в формировании и поддержании дружественной для реализации индивидуальных творческих устремлений социальной среды [53].

Представляется, что ключевым вызовом для движения к новой парадигме развития выступает продвижение его приоритетов в политическую повестку дня и мотивация ответственных субъектов развития, выход данной повестки за пределы научно-экспертного сообщества в плоскость практического целеполагания и конкретных практик развития.

* * *

Концепция устойчивого развития продолжает занимать ведущее положение в научном и политическом дискурсе как парадигма для поиска ответа на глобальные вызовы, стоящие перед национальными государствами. Как показало проведенное исследование, эта парадигма не лишена внутренних противоречий, прежде всего в части ее социально-гуманитарных аспектов.

С точки зрения практического результата для граждан ключевое значение имеет то, в какой степени органы государственной власти инкорпорируют те или иные элементы концепций развития в политическую практику: концентрируются ли они только на отдельных ее элементах, таких как ликвидация бедности (что может привести к “пробуксовке” других элементов), или разрабатывают комплекс мер, которые бы позволили гармоничному развитию всех составляющих экосистемы (к примеру, экономика–экология, экономика–безопасность и так далее). Здесь принципиально важен факт наличия диалога и культуры обратной связи между лицами, принимающими решения на уровне национальных государств, и научным сообществом.

Необходимо подчеркнуть, что концепция устойчивого развития имеет явные лакуны с позиций формирующейся концепции ответственного развития, поскольку устойчивость без

ответственности невозможна. Это, в свою очередь, означает необходимость стимулирования ответственного поведения как граждан, так и бизнеса. Задача заключается в том, чтобы формировать условия для диалога между гражданским обществом, государством и корпорациями с целью соблюдения баланса интересов и потребностей развития. Возможными субъектами ответственного развития, влияющими на принятие решений в соответствующем направлении, могли бы стать разнообразные группы интересов гражданского общества и корпоративного сектора, такие как социально ориентированные НКО, экологические ассоциации, объединения социально ориентированного бизнеса и т.д. Нельзя исключать и трудностей на этом направлении, к примеру, связанных с дефицитом ответственности со стороны корпораций или же с чрезмерным радикализмом экологических активистов.

Представляется, что те противоречия, которые характерны для концепции устойчивого развития, отчасти могут быть решены на уровне ее реализации на практике: их возможно компенсировать за счет комбинирования постулатов концепции устойчивого развития и ряда других концепций, в том числе рассмотренных выше. Что же касается концепции устойчивого развития как продукта научного знания, можно сделать вывод, что большинство противоречий не могут быть решены на уровне самой этой концепции. Для этого требуется выход на более высокий концептуальный уровень с целью их “снятия” в гегелевском смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. 21.10.2015. Available at: <https://undocs.org/en/A/RES/70/1> (accessed 19.08.2019).
2. Лапкин В.В. Пространственно-территориальные альтернативы политического развития в эпоху глобальной трансформации. *История и современность*, 2018, № 4, сс. 30-49. [Lapkin V.V. Prostranstvenno-territorial'nye al'ternativy politicheskogo razvitiya v epokhu global'noi transformatsii [Spatial and Territorial Alternatives of Political Development in the Era of Global Transformation]. *Istoriya i sovremennost'*, 2018, no. 4, pp. 30-49]. DOI: 30884/iis/2018.04.02
3. Бардин А.Л., Баринов И.И. Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии). *Полис. Политические исследования*, 2018, № 6, сс. 99-111. [Bardin A.L., Barinov I.I. Problemy natsional'nogo razvitiya i konsolidatsii politicheskikh prostranstv (na primere Moldovy i Rumynii) [Problems of National Development and Consolidation of Political Spaces (the Cases of Moldova and Romania)]. *Political Studies*, 2018, no. 6, pp. 99-111.] DOI: 10.17976/jpps/2018.06.07
4. *Повестка дня на XXI век*. [Agenda 21 (In Russ.)] Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf (accessed 19.08.2019).
5. Sachs J.D. *The Age of Sustainable Development*. New York, Columbia University Press, 2015, 543 p.
6. Бушув В.В. К вопросу о концепции устойчивого развития. *Культура народов Причерноморья*, 2001, № 26, сс. 246-249. [Bushuev V.V. K voprosu o kontseptsii ustoichivogo razvitiya [On the Concept of Sustainable Development]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2001, no. 26, pp. 246-249.]
7. Коптюг В.А. Концепция устойчивого развития и социально-политические движения. *Наука из первых рук*, 2011, т. 38, № 2, сс. 38-51. [Koptyug V.A. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya i sotsial'no-politicheskie dvizheniya [The Concept of Sustainable Development and Socio-Political Movements]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2011, vol. 38, no. 2, pp. 38-51.]
8. Пустохина Н.Г., Валиев В.Н. Концепция устойчивого развития: основные положения. *Известия Уральского государственного горного университета*, 2015, № 2 (38), сс. 37-41. [Pustokhina N.G., Valiev V.N. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya: osnovnye polozheniya [The Concept of Sustainable Development: Key Points]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta*, 2015, no. 2 (38), pp. 37-41.]
9. Захаров В.М. Итоги Конференции «Рио+20»: новые возможности. *На пути к устойчивому развитию России*, 2012, № 61, сс. 4-6. [Zakharov V.M. Itogi Konferentsii «Rio+20»: novye vozmozhnosti [Results of the Rio +20 Conference: New Opportunities]. *Na puti k ustoichivomu razvitiyu Rossii*, 2012, no. 61, pp. 4-6.]
10. *Declaration on Green Growth. Adopted at the Meeting of the Council at Ministerial Level on 25 June 2009*. Available at: <https://www.oecd.org/env/44077822.pdf> (accessed 18.10.2019).
11. *Курс на зеленый рост*. [Towards Green Growth (In Russ.)] Available at: <https://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf> (accessed 18.10.2019).
12. Никонорова Е.В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции. *Обсерватория культуры*, 2016, т. 13, № 6, сс. 644-651. [Nikonorova E.V. Kul'tura i ustoichivoe razvitie: osnovaniya vzaimovliyaniya i kontury integratsii [Culture and Sustainable Development: The Foundations of Mutual Influence and the Contours of Integration]. *Obseratoriya kul'tury*, 2016, no. 6, pp. 644-651.]
13. Лихачев Д.С. Экология культуры *Прошлое – будущему*. Ленинград, Наука, 1985. 575 с. [Likhachev D.S. Ekologiya kul'tury [Ecology of Culture]. *Proshloe – budushchemu* [Past to the Future]. Leningrad, Nauka, 1985. 575 p.]
14. Генисаретский О.И. Экология культуры: от ценностных ориентаций – к проектной концептуалистике. *Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы*. Москва, Всероссийский институт культурологии, 1991, сс. 3-10. [Genisaretskii O.I. Ekologiya kul'tury: ot tsennostnykh orientatsii – k proektnoi kontseptualistike [Ecology of Culture: from Value Orientations to Project Conceptualism].

- Ekologiya kul'tury. Teoreticheskie i proektnye problemy* [Ecology of Culture. Theoretical and Project Problems]. Moscow, Vserossiiskii institut kul'turologii, 1991, pp. 3-10.]
15. Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning*. Melbourne, Cultural Development Network, 2001. 70 p.
  16. Dessein J., Soini K., Fairclough G., Horlings L. eds., *Culture in, for and as Sustainable Development. Conclusions from the COST Action IS1007 Investigating Cultural Sustainability*. University of Jyväskylä, Finland, 2015. 73 p. Available at: <https://www.cost.eu/wp-content/uploads/2018/07/52525.pdf> (accessed 19.08.2019).
  17. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь Мир, 2017. 992 с. [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: the Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Moscow, Ves' Mir, 2017. 992 p.]
  18. Выступление Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева на Конференции ООН по устойчивому развитию "Рио+20". *На пути к устойчивому развитию России*, 2012, № 61, с. 18-19. [Vystuplenie Predsedatelya Pravitel'stva RF D.A. Medvedeva na Konferentsii OON po ustoichivomu razvitiyu "Rio+20" [Speech by Head of Russian Government D.A. Medvedev during UN Conference of Sustainable Development "Rio+20"]. *Na puti k ustoichivomu razvitiyu Rossii*, 2012, no. 61, pp. 18-19.]
  19. Коптюг. В.А. Повестка дня на XXI век. Концепция устойчивого развития и социальной-политический движения. *Наука из первых рук*, 2011, т. 38, № 2, с. 36-51 [Koptiug. V.A. Povestka dnya na XXI vek. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya i sotsial'noi-politicheskii dvizheniya. [Agenda for XXI Century. The Concept of Sustainable Development and Socio-Political Movement.]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2011, vol. 38, no. 2, p. 36-51.]
  20. Котляков В.М., Глазовский Н.Ф., Руденко Л.Г. Географические подходы к проблеме устойчивого развития. *Известия РАН. Серия География*, 1997, № 6, с. 8-15. [Kotlyakov V.M., Glazovskii N.F., Rudenko L.G. Geograficheskie podkhody k probleme ustoichivogo razvitiya [Geographic Approaches to the Problem of Sustainable Development]. *Izvestiya RAN. Seriya Geografiya*, 1997, no. 6, pp. 8-15.]
  21. Баденко Ю.П. Устойчивое развитие горных территорий. *Известия РАН. Серия география*, 1998, № 6, с. 7-21. [Badenko Yu.P. Ustoichivoe razvitie gornyykh territorii [Sustainable Development of Mountain Territories]. *Izvestiya RAN. Seriya geografiya*, 1998, no. 6, pp. 7-21.]
  22. Серебрянный Л.Р., Скопин А.Ю. Поддерживаемое, сбалансированное или устойчивое развитие? *Известия РАН. Серия география*, 1998, № 1, с. 44-49. [Serebryannyi L.R., Skopin A.Yu. Podderzhivaemoe, sbalansirovannoe ili ustoichivoe razvitie? [Sustained, Balanced or Sustainable Development?] *Izvestiya RAN. Seriya geografiya*, 1998, no. 1, pp. 44-49.]
  23. Фоменко Г.А. Политика устойчивого развития и особенности географических исследований. *Известия РАН. Серия география*, 1997, № 4, с. 8-18. [Fomenko G.A. Politika ustoichivogo razvitiya i osobennosti geograficheskikh issledovaniy [Politics of Sustainable Development and Specifics of Geographic Studies]. *Izvestiya RAN. Seriya geografiya*, 1997, no. 4, pp. 8-18.]
  24. Панарин А.С. *Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке*. Москва, Русский мир, 2005. 432 с. [Panarin A.S. Revansh istorii: Rossiiskaya strategicheskaya initsiativa v XXI veke [The Rematch of History: Russian Strategic Initiative in the 21st Century]. Moscow, Russkii mir, 2005. 432 p.]
  25. Wallerstein I. The Ecology and the Economy: What is Rational? *The Environment and World History*, 2004, vol. 27, no. 4, pp. 273-283. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-11-95-103
  26. Шаталов-Давыдов Д.Ю. Возникновение концепции устойчивого развития: анализ экологического и политического дискурсов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2010, № 4 (20), с. 187-194. [Shatalov-Davydov D.Yu. Vozniknovenie kontseptsii ustoichivogo razvitiya: analiz ekologicheskogo i politicheskogo diskursov [The Emergence of the Concept of Sustainable Development: The Analysis of Ecological and Political Discourses]. *Vestnik Nigegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, 2010, no. 4 (20), pp. 187-194.]
  27. Шаталов-Давыдов Д.Ю. Этапы концептуализации устойчивого развития: анализ экономического и политического дискурсов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия*, 2012, № 4 (1), с. 445-452. [Shatalov-Davydov D.Yu. Etapy kontseptualizatsii ustoichivogo razvitiya: analiz ekonomicheskogo i politicheskogo diskursov [The Stages of Conceptualization of Sustainable Development: The Analysis of Economic and Political Discourses]. *Vestnik Nigegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya*, 2012, no. 4 (1), pp. 445-452.]
  28. Яницкий О.Н. *Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения*. История и современность, 2008, № 2, с. 95-116. [Yanitskii O.N. *Ekomodernizatsiya Rossii: problemy, kontseptsii, resheniya* [Ecomodernization of Russia: Problems, Concepts, Decisions]. *Istoriya i sovremennost'*, 2008, no. 2, pp. 95-116.]
  29. Яницкий О.Н. *Экомодернизация России: теория, практика, перспективы*. Москва, Институт социологии РАН, 2011. 215 с. [Yanitskii O.N. *Ekomodernizatsiya Rossii: teoriya, praktika, perspektiva* [Ecological Modernization of Russia: Theory, Practice, Prospects]. Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2011. 215 p.]
  30. Folke C., Hahn T., Olsson P., Norberg J. Adaptive Governance of Social ecological Systems. *Annual Review of Environment and Resources*, 2005, vol. 30, pp. 441-473. DOI: 10.1146/annurev.energy.30.050504.144511
  31. Holling C.S. Understanding the Complexity of Economic, Ecological, and Social Systems. *Ecosystems*, 2001, no. 4, pp. 390-405. DOI: 10.1007/s10021-001-0101-5
  32. Гудалов Н.Н., Тулупов Д.С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов. *Полития*, 2018, № 1 (88), с. 135-147. [Gudalov N.N., Tulupov D.S. Semiotika stressoustoichivosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: mnogoobrazie akademicheskikh i politicheskikh smyslov [Semiotics of Resilience in International Relations: the Diversity of Academic and Political Meanings]. *Politeia*, 2018, no. 1, pp. 135-147]. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-135-147
  33. MacKinnon D., Derickson K.D. From Resilience to Resourcefulness: A Critique of Resilience Policy and Activism. *Progress in Human Geography*, 2013, vol. 37, pp. 253-270. DOI: 10.1177/0309132512454775

34. Hayward B.M. Rethinking Resilience: Reflections on the Earthquakes in Christchurch, New Zealand, 2010 and 2011. *Ecology and Society*, 2013, vol. 18(4), p. 37. DOI: 10.5751/es-05947-180437
35. Martin N. Forrester J., Ensor J. What Is Equitable Resilience? *World Development*, 2018, vol. 109, pp. 202-203. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.04.020
36. Daly H.E. *Steady-State Economics*. London, Earth-scan, 1992. 318 p.
37. Daly H.E., Cobb J.B. *For the Common Good. Redirecting the Economy Toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*. Boston, Beacon Press, 1989. 492 p.
38. Andrews M. Risk, Inequality and the Economics of Disaster. *Real-World Economics Review*, 2008, no. 45, pp. 2-9. Available at: <http://www.paecon.net/PAERReview/issue45/Andrews45.pdf> (accessed 01.08.2019).
39. Gauger A., Rabatel-Fernel M.P., Kulbicki L., Short D., Higgins P. *The ecocide project 'Ecocide is the missing 5th crime against peace'*. London, Human Rights Consortium, 2013. 13 p. Available at: http://sas-space.sas.ac.uk/4830/1/Ecocide_research_report_19_July_13.pdf (accessed 01.08.2019).
40. Higgins P., Short D., South N. Protecting the Planet: A Proposal for a Law of Ecocide. *Crime Law Soc Change*, 2013, vol. 59, no. 3, pp. 251-266. DOI: 10.1007/s10611-013-9413-6
41. Jackson T. *Prosperity Without Growth: The Transition to a Sustainable Economy*. London, Earth Scan, 2009. 133 p.
42. Schneider F., Kallis G., Martinez-Alier J. Crisis or Opportunity? Economic Degrowth for Social Equity and Ecological Sustainability. Introduction to the Special Issue. *Journal of Cleaner Production*, 2010, vol. 18, pp. 511-518. DOI: 10.1016/j.jclepro.2010.01.014
43. Latouche S. *Farewell to Growth*. Cambridge, Polity Press, 2009. 124 p.
44. Cohen M., Brown H., Vergragt P.J. Individual Consumption and Systemic Societal Transformation: Introduction to the Special Issue. *Sustainability: Science, Practice, and Policy*, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 6-12. DOI: 10.1080/15487733.2010.11908045
45. Kostakis V., Latoufis K., Liarokapis M., Bauwens M. The Convergence of Digital Commons with Local Manufacturing from a Degrowth Perspective: Two Illustrative Cases. *Journal of Cleaner Production*, 2016, vol. 197, part 2, pp. 1684-1693. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.09.077
46. Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven, London, Yale University Press, 2006. 528 p.
47. Paech N. *Befreiung vom Überfluss: Auf dem Weg in die Postwachstumsökonomie*. München, Oekom Verlag, 2012. 160 s.
48. Kallis G., Kostakis V., Lange S., Muraca B., Paulson S., Schmelzer M. Research on Degrowth. *Annual Review of Environment and Resources*, 2018, vol. 43, no. 1, pp. 291-316. DOI: 10.1146/annurev-environ-102017-025941
49. Schröder P., Bengtsson M., Cohen M., Dewick P., Hoffstetter J., Sarkis J. Degrowth Within – Aligning Circular Economy and Strong Sustainability Narratives. *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, vol. 146, pp. 190-191. DOI: 10.1016/j.resconrec.2019.03.038
50. *United Nations Global Pulse*. Available at: <https://www.unglobalpulse.org> (accessed 01.08.2019).
51. *Big Data for Sustainable Development*. Available at: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/big-data-sustainable-development/index.html> (accessed 01.08.2019).
52. Hamed B. *IBM's Water Watchers App Gives South African Citizens Power Over Water Challenges*. Available at: <https://sustainablebrands.com/read/ict-and-big-data/ibm-s-water-watchers-app-gives-south-african-citizens-power-over-water-challenges> (accessed 01.08.2019).
53. Семенов И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Полит. Политические исследования*, 2019, № 3, сс. 7-26. [Semenenko I.S. Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu [Horizons of Responsible Development: From Discourse to Governance]. *Political Studies*, 2019, no. 3, pp. 7-26.] DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02

DISCOURSES OF DEVELOPMENT: SOCIAL AND HUMANITARIAN ASPECTS

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp. 24-41)

Received 17.11.2019.

Andrei L. BARDIN, (andreybardin@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Maksim I. SIGACHEV, (maxsig@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Choosing a strategy of development is one of the key challenges the nation-states are facing. On the one side, such strategy should account for internal factors of development, such as preserving and strengthening national and cultural identity, fostering social cohesion, and providing all social groups with high quality of life and a pipeline for self-fulfillment. On the other hand, it has to offer answers to the questions posed by external factors – foremost, by numerous global challenges, from climate change to international terrorism. The majority of the world community, under the auspices of UN agencies, has accepted the sustainable development concept (SDC) as the basis for responding to these challenges. Similarly, the SDC has been at the forefront of scientific discourse on development in the recent years. However, like any theory, SDC has a number of limitations and inner contradictions, which are worth studying. As some researchers point out, the SDC is, in its essence, a technocratic theory: therefore, the higher analyst is climbing on its theoretical steps, the more contradictions he meets.

The article dwells on the social and humanitarian aspects of this problem through the prism of critical approaches to SDC. After a brief dive into the origins of the concept, the authors outline the focal points of its critique that include, but are not limited to the following contradictions. Firstly, the goal of achieving self-consistent and stable development contradicts the fact that the developing systems are, on the one hand, intrinsically unstable and non-linear and, on the other hand, prone to shocks produced by technological and social changes, economic and political shifts.

Secondly, achieving equilibrium between the ecological and the economic components of development is highly difficult due to the essence of the established approach to development (economic growth through extensive technological modernization and/or industrialization). Attempts to solve this contradiction in the SDC framework often lead to various excesses: for instance, the radical interpretation of SDC, inspired by the idea of strict limitation of both economic and demographic growth, stimulates the processes of de-industrialization and depopulation. The authors point out the importance of avoiding such excesses; in this particular instance, it could be achieved by incorporating elements of anthropocentric approach into the model. This is closely related to the third key issue: finding a balance between various components of development requires paying much more attention to its ethical and moral aspects. These aspects are one of the key weak point of SDC, which does not address some of them at all.

The authors also consider a number of other relevant concepts of development through the prism of their social and humanitarian potential. Among these concepts there are resilient development, where the goal is to strengthen already existing social relationship; eco-centric development aimed at reducing over consumption and maintaining ecological sustainability; as well as sustainable degrowth transformation. Special attention is paid to the concept of responsible development, which, in authors' opinion, could serve as an innovative basis for a more thoughtful development policy. The concept was coined by the IMEMO scientific school; it puts emphasis on the moral and ethical aspects of development; among its foundations are the culture of dialogue, feedback and civic engagement.

The authors emphasize the role of academic community in finding effective ways to influence the decision-makers to put the development concepts into practice, as well as in establishing and maintaining a constant dialogue and stimulating responsible behavior of all actors.

Keywords: politics of development, narratives on development, sustainable development, resilient development, responsible development, sustainable degrowth transformation, eco-centric development, data for development.

About authors:

Andrei L. BARDIN, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector of Analysis of Political Change and Identity, Department of Comparative Political Studies, Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Maksim I. SIGACHEV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Junior Researcher, Sector of Analysis of Political Change and Identity, Department of Comparative Political Studies, Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies

DOI: 10.20542/afj-2019-4-24-41